

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИНТАКСИСА

Ю.В.ФОМЕНКО

Новосибирский государственный педагогический университет

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ СИНТАКСИС – “СЕМАНТИЧЕСКИМ” ИЛИ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИМ?

И школьный, и вузовский курсы русского языка вообще и синтаксиса в частности строятся на структурно-семантической основе (о чем писали О.И.Москальская, Е.С.Скобликова, В.В.Бабайцева, Л.Д.Чеснокова и др.). Это значит, что все факты языка (и факты синтаксиса) характеризуются и с точки зрения формы, и с точки зрения содержания (и с точки зрения структуры, и с точки зрения семантики). Структурно-семантический синтаксис принят на вооружение современной лингвистикой, высшей и средней школой, потому что правильно отражает реальное положение вещей в языке. Добавим, что структурно-семантический подход прямо вытекает из современных философских представлений о том, что каждая вещь имеет содержание и форму.

Однако некоторые лингвисты предлагают заменить структурно-семантический синтаксис синтаксисом “семантическим”. Попытку такого рода сделала В.А.Белошапкина (в учебнике для университетов “Современный русский язык”). Назовем и оценим основные идеи ее “семантического синтаксиса”.

1) Важнейшая черта современной семасиологии, утверждает В.А.Белошапкина, — “глобальный подход к значению без ограничивающего стремления отделить в нем грамматическое от лексического и заниматься тем и другим по отдельности, рассматривая их как принципиально разные типы значения, сосуществующие в содержании значимой единицы языка. На этой основе происходит сближение учения о лексической семантике и семантического синтаксиса” [Белошапкина 1989: 676].

Можно ли согласиться с этим утверждением? При всем желании — нельзя. Нельзя утверждать, что для современной семасиологии характерен “глобальный подход к значению”, отказ от раз-

граничения лексических и грамматических значений. Напротив. Современная семасиология (лексикология и грамматика) не только стремится, но и умеет различать, последовательно различает лексические и грамматические значения (и далее – многочисленные типы лексических значений, а среди грамматических – морфологические и синтаксические значения). Если эти значения уже обнаружены и признаны как языковая реальность, то как от них теперь можно отказаться? Это невозможно (и, конечно, не нужно). Далее. В.А.Белошাপкова утверждает, что “при изучении значения предложения привлекается лексическая семантика входящих в предложение слов, прежде всего тех, которые составляют его предикативный центр. Таким образом, изучение смысловой организации предложения в современной науке ведется и со стороны лексикологии (лексической семантики), и с позиций собственно семантического синтаксиса” [677]. Конечно, в реальной речи лексическая и грамматическая (синтаксическая) семантика образуют единое целое, но на уровне теории лингвисты уже давно и легко разграничивают лексику и грамматику (синтаксис), лексические и грамматические (синтаксические) значения. (Реальность грамматических значений хорошо показал Л.В.Щерба, построивший искусственную фразу “Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка”, в которой нет лексических, но есть грамматические значения.) К компетенции синтаксиса относятся только синтаксические значения. Предложение, понимаемое как структурная схема высказывания, безразлично к лексической семантике входящих в него слов, в том числе и слов, образующих предикативный центр. Высказывания *Мальчик спит, Девочка читает, Трава растет* и др. под. являются речевыми (лексическими) вариантами (репрезентантами) одного предложения, одной структуры, одного инварианта – *П + Ск*. Синтаксическая семантика не может отождествляться с семантикой лексической. Это – в той или иной степени – понимала и сама В.А.Белошاپкова, о чем свидетельствуют ее слова: “Семантическая структура предложения – это содержание предложения, представленное в обобщенном, типизированном виде...” [691].

Общепризнанным является положение о том, что синтаксис – это часть грамматики и что грамматика имеет обобщающий характер. Грамматика изучает не лексические, а грамматические значения – “значения, сопровождающие лексические, отражающие признаки, свойственные большим классам предметов, и выражающиеся с помощью того или иного грамматического средства” [Фоменко 1996: 12]. Морфология изучает морфологические,

а синтаксис – синтаксические значения (значения предикативности, повествовательности, побудительности и вопросительности, восклицательности и невосклицательности, значения подлежащего, сказуемого, определения, дополнения, обстоятельства и др. (см.: [Фоменко 1996: 13]). Лексические же значения относятся к сфере лексикологии.

Ошибка В.А.Белошапковой, возможно, заключается в том, что она отождествляет синтаксис и синтагматику. Однако синтагматика бывает не только грамматической (синтаксической), но и лексической, и стилистической, и эмоционально-оценочной (см.: [Фоменко, Свистунова 2002: 6]).

Включая в значение предложения лексическую семантику, В.А.Белошапкина фактически превращает его из единицы грамматики в единицу лексики.

2) Переведя предложение из грамматики в лексику, В.А.Белошапкина, в соответствии с логикой вещей, приписывает ему признак номинативности. Она пишет: “Для сближения синтаксиса и лексикологии найдены теоретические основания. Анализ семантики предложения выдвинул (анализ выдвинул? – Ю.Ф.) положение о том, что в одном из своих аспектов предложение, подобно слову, является номинативной единицей” [677]. “Различие между словом и предложением в номинативном плане усматривается в том, что предложение – сложный, полный знак, непосредственно соотносённый с событием, ситуацией, слово же – знак частичный, соотносимый с ситуацией только при включении его в предложение” [677].

В этих высказываниях имеют место очевидные, недопустимые ошибки.

Известно, что выполнять номинативную функцию – значит обозначать предмет (класс однородных предметов) и выражать понятие о нем (см.: [Солнцев 1977: 256]). Следовательно, номинативную функцию выполняют слова (и фразеологические словосочетания), а не высказывания. Высказывания выполняют коммуникативную функцию. Слово называет – высказывание сообщает. Слово выражает понятие, высказывание – суждение (умозаключение). Понятия принадлежат всем носителям языка, суждения (умозаключения) – это конкретные мысли конкретных людей (см.: [Фоменко 1990: 86-99; Кацнельсон 2001: 615]).

В.А.Белошапкина почему-то считает, что знаки языка должны именовать ситуации. Это, конечно, не так. Знаки языка должны именовать и именуют не ситуации, число которых бесконечно и необозримо, а субстанции (предметы, точнее – классы одно-

родных предметов), число которых конечно и обозримо. Язык появляется тогда, “когда ситуативно определенные сигналы начинают уступать место сигналам универсальным, дискретность которых делает их независимыми от конкретных ситуаций (NB! – Ю.Ф.) и взаимозаменяемыми” [Донских 1986: 82]. “Язык возникает тогда, – пишет В.В.Мартынов, – когда система сигналов преобразуется в систему знаков, то есть когда отображенными оказываются повторяющиеся элементы представлений (ситуаций), и, следовательно, ситуационная ограниченность снимается (! – Ю.Ф.) [Мартынов 1967: 39]. “Невозможно себе представить, – говорит Т.В.Булыгина, – чтобы каждой ситуации, которая может быть предметом сообщения, соответствовал бы особый нечленимый знак...” [Булыгина 1967: 7].

Обязательный признак языкового знака – воспроизводимость. Воспроизводимость – это признак слова (и фразеологизма), но не признак высказывания. Высказывание не воспроизводится, а строится. Оно не входит в язык, а появляется в речи. Оно принадлежит не всем говорящим, а одному, конкретному человеку. Знаки нельзя делить на полные и частичные. Знаком является слово (и фразеологизм). Высказывание же – это не знак (“полный знак”), а свободная, авторская комбинация знаков.

3) В “семантическом синтаксисе” В.А.Белошапковой не разграничиваются, а часто отождествляются понятия языка и речи, предложения и высказывания. С одной стороны, предложение интерпретируется как структурная схема, модель, формула [538]. С другой стороны, в понятие предложения включается и его лексическое наполнение [714], а следовательно, и конкретный смысл, “вещественное содержание” [676]. Между тем давно уже стало прописной истиной, что конкретный смысл конкретных высказываний не входит в язык, имеет чисто речевой характер и не может быть предметом синтаксиса (грамматики). Предмет синтаксиса – не бесконечное число конкретных сообщений, а ограниченное, обозримое число предложенческих схем (формул).

Высказывание – это предложенческая формула, заполненная лексическим материалом. И предложенческая формула, и лексический материал принадлежат языку, а их соединение, носящее индивидуальный, неповторимый характер, – речи. Грамматическая синтагматика принадлежит грамматике (синтаксису), а лексическая синтагматика – лексикологии. Многие об этом забывают, а многие и не знают. Вообще правильно интерпретировать явления синтаксиса может только тот, кто способен охватить все уровни и аспекты языка / речи в целом, кто владеет всей пробле-

матикой общего языкознания. Но таких – единицы. Вот почему в современной синтаксисе так много мифов и легенд (см.: [Фоменко 2002]): знаками языка считают не только слово и фразеологизм, но и предложение, и свободное словосочетание; утверждают, что между подлежащим и сказуемым имеет место взаимное подчинение (“координация”); среди второстепенных членов обнаруживают т.н. “детерминанты”, т.е. такие члены предложения, которые якобы относятся ко всему предложению в целом; к трем хорошо известным типам подчинительной связи добавляют “именное примыкание” и т.д.

Подведем итоги. Синтаксис должен четко различать язык и речь, номинацию и коммуникацию, предложение и высказывание, грамматику и лексику, грамматические и лексические значения, значение и смысл. Синтаксис как раздел грамматики должен изучать не высказывания, число которых бесконечно и необозримо, а предложения, число которых конечно и обозримо; не лексические значения входящих в высказывания слов и не конкретный смысл высказываний, а грамматические значения предложений (синтаксических явлений). Каждое явление синтаксиса должно характеризоваться и с точки зрения содержания (семантики), и с точки зрения формы (структуры). Иначе говоря, синтаксис (как и вся лингвистика в целом) должен быть не “семантическим”, а структурно-семантическим.

Литература

Белошапкова В.А. Синтаксис // Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1989.

Булыгина Т.В. Особенности структурной организации языка как знаковой системы и методы ее исследования // Материалы к конференции “Язык как знаковая система особого рода”. М., 1967.

Донских О.А. Особенности объекта познания в лингвистике // Проблемы гуманитарного познания. Новосибирск, 1986.

Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: Из науч. наследия. М., 2001.

Мартынов В.В. Семиотические методы описания естественных языков // Материалы к конференции “Язык как знаковая система особого рода”. М., 1967.

Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. 2-е изд., доп. М., 1977.

Фоменко Ю.В. Грамматические значения, формы и категории в русском языке: Учеб. пособие. Новосибирск, 1996.

Фоменко Ю.В. Язык и речь: Учеб. пособие. Новосибирск, 1990.

Фоменко Ю.В. Русистика конца 20 – начала 21 века. Достижения и заблуждения // Современная русистика: Поиски и проблемы: Сб. ст. Новосибирск, 2002.

Фоменко Ю.В., Свистунова Н.Ю. Теория семантического согласования слов и некоторые негативные явления речевой практики // Филологический ежегодник. Омск: Ом. гос. ун-т, 2002. – Вып. 4.

П.А.ЛЕКАНТ

Московский областной педагогический университет

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Рациональная природа грамматической системы в полной мере проявляется в структуре русского предложения. Грамматическое учение о предложении также ориентировано на рациональные основания и критерии. Предназначенность предложения, его коммуникативная функция связывается преимущественно с выражением и сообщением мысли. В современной синтаксической науке, при всей ее разносторонности, еще не реализован в полной мере тезис В.В.Виноградова: “Грамматика рассматривает формы синтаксического выражения мысли, чувства и воли во всех особенностях их конкретного речевого строения” [Виноградов 1955: 393]. Эмоциональность как одно из важнейших и самых ярких качеств личности говорящий реализует в конкретном высказывании. Реакция на окружающее, отношение к действительности, к адресату, к его речи, к речи третьего лица, к собственной речи включает эмоциональный компонент – либо в виде конкретного языкового знака, либо в виде подчеркнутого или неосознанного “равнодушия”, т.е. сугубо рационально. Эта личная, субъективная реакция оформляется объективными лексическими и грамматическими средствами.

В эмоциональном арсенале русского предложения мы выделяем четыре способа представления эмоциональной семантики; это: а) эмоциональная окраска, б) эмоциональное отношение, в) эмоциональная оценка, г) эмоциональное состояние.

Эмоциональная окраска – это уникальный способ представления личной эмоциональной реакции говорящего на собственное высказывание. Этот способ представлен в грамматической систе-